

стройка немецкого языка. Не претендуя на ее окончательное разрешение, я сочла необходимым попытаться поставить ее и рассмотреть более или менее подробно отдельные случаи, типичные для современного немецкого языка. И здесь я встретила возражения рецензента. Его мнение в основном сводится к следующему.

Сложное слово цельнооформленно, значит оно не может выражать тех отношений, которые могут быть выражены словосочетанием или придаточным предложением; значит, нельзя говорить о замене сложным словом словосочетания (рец., стр. 151). Интересно, что рецензент все же признает, что, например, *Gefangenenaute* может быть понято в данном контексте как «машина, в которой везли пленного», но вывод об эквивалентности цельнооформленного слова и словосочетания или даже целого высказывания, с точки зрения рецензента, неправилен, поскольку компоненты сложного слова — «основы» и, значит, не могут быть по функции приравнены к словам. Таким образом, в угоду принципу «цельнооформленности» сводится на нет одна из характернейших особенностей строя немецкого языка, отличающая его от ряда других языков.

В рецензии затронуто много вопросов. Однако в ней отсутствует анализ построения книги в целом, оценка основных принципов, из которых я исхожу при описании словообразовательного строя немецкого языка.

Правильен ли сам метод трактовки словообразования, применяемый мною? Следует ли рассматривать словообразование в немецком языке применительно к частям речи, как это сделано в книге, или надо предпочесть описание его по отдельным способам и моделям? Верно ли раскрыты основные понятия, связанные с процессом словообразования и со словообразовательной техникой (например, понятия способа и средства словообразования, словообразовательной формы слова, законов и правил словообразования и т. п.)? Достаточно ли ясно показаны специфика именно немецкого словообразования, ведущие тенденции развития словообразовательного строя немецкого языка (в частности, роль сложосложения и атом развития), связь словообразовательного строя языка с грамматическим? Правильен ли охват анализируемого лексического материала, выделение неологизмов и случайных образований и т. п.? На все эти вопросы ни автор книги, ни ее читатель не находят ответа в рецензии К. А. Левковской.

Рецензия, анализирующая и выводящая обобщающие возможности использования книги, при отсутствии анализа ее построения и содержания в целом, свидетельствует о несправедливости рецензента к чужим мнениям, и то пренебрегая личными мнениями, часто спорные, приходится в качестве общепринятых положений. Все это, как мне кажется, не соответствует принципу свободного обмена мнениями, ведущего к развитию научной мысли.

М. Д. Степанова

ЕЩЕ РАЗ О ЗАПОЗДАЛЫХ ОТКРЫТИЯХ

В заметке «Запоздалые открытия» (ИАН ОЛЯ, 1949, вып. 1) мы привели достойные сожаления случаи, когда некоторые зарубежные ученые, не утруждая себя знакомством со специальной литературой на русском языке, заново открывают истины, давно известные в советской науке. Здесь мы хотели бы обратить внимание еще на один факт такого же порядка.

В «Bulletin of the School of oriental and african studies», издаваемом Лондонским университетом (vol. XVI, part. 3, 1954, стр. 528—541), помещена статья D. N. MacKenzie «Gender in Kurdish». Проблема грамматического рода в курдском языке представляет значительный интерес не только курдоведческий, но и общепранистический. Известно, что в древнеиранских языках различались три рода: мужской, женский и средний. В большинстве новоиранских языков различие имен по грамматическому роду утрачено. Но в некоторых языках (в афганском, в ряде памирских) оно, в том или ином виде, сохранилось. К ним, как показали исследования советских иранистов, относится и курдский язык.

Давно было замечено, что формы косвенного падежа, а также формы так называемой «изафетной» связи между определяемым и определением различаются в курдском в зависимости от имен, характеризующихся то гласным *i*, то *e*, то *a*. Однако этому факту не давалось правильного и четкого истолкования.

Впервые в статьях А. Шамидова, И. Цукермана и К. Курдова «Об изафете в курдском языке» («Революция и письменность», № 1, М., 1933, стр. 51—56) и «О проблеме рода в курдском языке» («Письменность и революция», сб. 1, М.—Л., 1933, стр. 160—178) было показано, что вышеупомянутые различия изафетной связи и косвенного падежа связаны с различием грамматического рода имен и что, стало быть, категория рода в курдском существует. Данные

курдского языка были затем использованы и получили общепранистическое освещение в ценной работе Л. А. Хетагурова «Категории рода в иранских языках» («Ученые записки Ленингр. ун-та», № 20, Серия филол. наук, вып. 1, 1939). На родовых различиях в курдском в связи со склонением имен существительных останавливается И. И. Цукерман в своих «Очерках курдской грамматики» (сб. «Иранские языки», II, М.—Л., 1950, стр. 98—144). Подобающее место отведено грамматическому роду в школьной грамматике курдского языка, составленной на курдском языке К. Курдоевым¹.

Ни одна из перечисленных работ советских специалистов не упомянута Д. П. Маккензи, хотя он обстоятельно цитирует других авторов, в том числе и таких, которые дали мало ценного с точки зрения интересующей его темы. Чтобы подобные досадные факты не повторялись, надо всемерно крепить научные связи между народами, широко практиковать взаимную информацию о специальной литературе, налаживать обмен научными изданиями.

В. И. Абас

¹ Қанате К'б'рдо, Граматика зьмане к'рмавци йа к'орт (Грамматика курманджийского наречия курдского языка), Ереван, 1949.

¹² Вопросы языковедения, № 5